

Девочка,
которая пила
лунный свет

Келли Барнхилл

Карьера Пресс
Москва

Тегу, с любовью

Глава 1,

в которой звучит сказка

Да.

В лесу живет ведьма. Она там с незапамятных времен живет.

Перестань вертеться! Звезды всемогущие, что за ребенок! И вертится, и вертится!

Нет, детка, сама я ведьму никогда не видела. И никто не видел. Никто и никогда. Уж мы постарались, чтоб она к нам не являлась.

Страшно подумать, чего нам это стоит.

Ну что ты спрашиваешь? Сама ведь все знаешь. Не хочу говорить.

Ох, милая, не знаю. Никто не знает, зачем ей дети. И почему она всегда хочет самого младшего из всех. Кто ж ее спросит-то? Ее и не видел никто. Уж мы об этом позаботились.

Как это — «а если ведьмы вовсе нет»? Ну что ты

такое говоришь! Ты посмотри, какой вокруг лес! Сколько в нем всего опасного! Ядовитый туман, и ямы под землей, и кипящие источники, и погибель на каждом шагу. Думаешь, это само так вышло? Как бы не так! Это все ведьма устроила, и, если мы не сделаем то, что она велит, знаешь, что с нами будет?

Что, в самом деле хочешь знать?

Нет. Не скажу.

Ну тише, тише, милая, не плачь. Не бойся, за тобой старейшины не придут. Ты ведь уже большая девочка.

У нас в семье?

Да, детка. Но очень давно. Ты тогда еще не родилась. Он был такой славный мальчик.

А теперь доедай и берись за дела. Завтра рано вставать. День Жертвы ждать не станет. Все должны прийти и сказать спасибо ребенку, который еще на год избавит нас от ведьмы.

Ты про своего брата? Да как же я могла его не отдать? Ведь ведьма бы нас всех убила, и что тогда? Тут уж или одного отдать, или всех. Так устроен мир. И ничего ты с этим не поделаешь, даже если очень захочешь.

Ну все, хватит. Иди займись делом. Глупая девочка.

Глава 2,

в которой одна несчастная женщина сходит с ума

Этим утром Герланд, глава Совета старейшин, одевался особенно тщательно. В конце концов, День Жертвы бывает лишь раз в году, и Герланду хотелось выглядеть солидно и внушительно. Скоро скорбная процессия отправится в дом, на который пало проклятие, а затем в печали покинет проклятый кров. Герланд и другим старейшинам велел приодеться. Пусть чернь надолго запомнит это зрелище.

Герланд аккуратно подрумянил обвисшие щеки и жирно подвел сурьмой глаза. Внимательно осмотрел в зеркале зубы — не застряли ли между ними кусочки пищи, не прилипло ли что. Герланд очень любил свое зеркало. Единственное зеркало на весь Протекторат. А что может быть приятнее, чем владеть вещью, какой

больше ни у кого нет? Герланд был избранным, не таким, как все, и это ему очень нравилось.

Он был главой Совета старейшин и владел множеством вещей, о каких в Протекторате никто и мечтать не мог. Что ж, его положение несло с собой немало выгод.

Протекторат — который одни называли Камышовым королевством, а другие городом Печалей, — ютился на клочке земли между полным опасностей лесом с одной стороны и бескрайней Топью — с другой. Жители Протектората по большей части кормились с Топи. Учиться хорошо, болотником будешь, твердили матери своим детям. Богатства, правда, не наживешь, но все лучше, чем ничего. По весне Топь прорастала побегамии циринника, летом покрывалась цветами циринника, а осенью в ней созревали клубни циринника, и это не считая изобилия целебных и почти волшебных растений, которые можно было собирать, и готовить из них снадобья, и лечить этими снадобьями людей, и продавать настои торговцам с другого края леса, а торговцы эти увозили дары Топи далеко-далеко, в самые Вольные города. Но лес таил в себе множество опасностей, и пересечь его можно было лишь по Дороге.

А Дорога принадлежала старейшинам.

Правильнее было бы сказать, что Дорога принадлежала Герланду, главе Совета, а остальные старейшины имели в ней свою долю. Топь тоже принадлежала старейшинам. И фруктовые сады. И дома. И рыночные площади. И даже палисадники перед домами.

Вот почему семьи хозяев Протектората носили туфли, искусно сплетенные из тростника. Вот почему в голодное время их дети ели густой вкусный суп из даров Топи, а родители говорили им, что Топь сделает их сильными и здоровыми.

Вот почему старейшины, их жены и дети ели мясо, масло, пили пиво и были высокими, сильными, полнокровными.

В дверь постучали.

— Войдите, — буркнул Герланд, глава Совета старейшин, укладывая плащ красивыми складками.

Вошел Антейн. Его племянник. Он числился старейшиной-учеником, но лишь потому, что Герланд однажды поддался слабости и взял этого несуразного мальчишку под свое крыло, уступив требованиям его еще более несуразной матери. Впрочем, бранить мальчика было бы несправедливо. Он был неплохим парнем неполных тринадцати лет, старательно работал и быстро схватывал новое. Он ловко управлялся с цифрами, имел золотые руки и мог во мгновение ока соорудить удобную скамью для усталого старейшины. Против своей воли Герланд даже привязался к мальчику, почти полюбил его.

Но.

Антейн вечно что-то придумывал. Болтал о каких-то странных вещах. И все время задавал вопросы. Герланд насупился. Антейн был... как бы это выразиться... чересчур шустрым. Если он не исправится, с ним придется

что-то делать. С кровью или нет, это уж как получится. Мысли об этом камнем лежали на сердце у Герланда.

– ДЯДЯ ГЕРЛАНД! – закричал Антейн. Неудержимый энтузиазм хлестал из мальчишки с такой силой, что Герланд едва не захлебнулся.

– Возьми себя в руки! – строго велел старейшина. – Сегодня у нас печальный день!

Мальчик вроде бы успокоился и опустил голову. Лицо у него было живое, взгляд по-собачьи преданный. Герланду даже захотелось погладить племянника по голове.

– Меня послали, – сказал Антейн так тихо, как только мог, – сообщить, что остальные старейшины уже готовы. Чернь ждет на улицах. Все до единого.

– Все? Никто не прячется по домам?

– Кто ж осмелится – после того, что было в прошлом году, – пожал плечами Антейн.

– Жаль.

Герланд еще раз поглядел в зеркало, подправил краску на щеках. Он любил преподать урок жителям Протектората. Просто чтобы они не забывали, кто они такие. Он потербил дряблую кожу на подбородке и нахмурился.

– Что ж, племянник, – сказал он, изящно взмахнув плащом (он отрабатывал этот взмах больше десяти лет и наконец достиг совершенства), – идем. Ребенок сам себя в жертву не принесет.

И он величаво выплыл из дверей. Следом за ним, спотыкаясь, шел Антейн.

Обычно День Жертвы проходил со всей подобающей случаю торжественностью и серьезностью. Ребенка покорно отдавали старейшинам. Несчастливая семья горевала молча, покуда на кухню сносили горшки с жарким и прочей пищей, призванной подкрепить силы, а соседи приходили утешить родителей в их утрате и заключить их в свои объятия.

Таковы были правила, и обычно их соблюдали.

Но в тот день все было иначе.

Герланд, глава Совета старейшин, неодобрительно поджал губы. Крики матери стали слышны еще прежде, чем процессия повернула на улицу, где жила семья. Горожане смущенно переминались с ноги на ногу.

В доме семьи, которая должна была лишиться ребенка, членам Совета старейшин предстало поразительное зрелище. У дверей их встретил мужчина с расцарапанным лицом, разбитой в кровь губой и проплешинами на месте вырванных тут и там волос. Он силился улыбнуться, однако то и дело ощупывал языком место, где еще недавно был зуб. Закусив губу, мужчина поклонился.

— Прощу прощения, почтенные господа, — сказал мужчина — видимо, отец ребенка. — Не знаю, что на нее нашло. Она словно обезумела.

Старейшины вошли в дом. Сверху, со стропил раздался яростный крик женщины. Ее блестящие черные волосы были вздыблены, словно клубок длинных извивающихся змей. Она шипела и плевалась, как загнанное

в угол животное. Одной рукой и одной ногой она цеплялась за опоры крыши, а другой рукой крепко прижимала к груди ребенка.

– УБИРАЙТЕСЬ! – завопила она. – Я вам ее не отдам! Я плюю вам в лицо, я проклинаю ваши имена! Убирайтесь из моего дома, не то я выцарапаю вам глаза и брошу их воронам!

Старейшины уставились на нее разинув рты. Они не могли поверить своим глазам. Они много раз приходили за детьми, и родители никогда не сопротивлялись. Это было не принято, и все тут.

(Антейн, единственный из всех, заплакал, стараясь, чтобы взрослые этого не заметили.)

Герланд быстро сориентировался и нацепил на грубоватое лицо маску сочувствия. Протянул руки ладонями вверх, чтобы показать, что пришел с миром. Сохраняя на лице улыбку, он скрипнул зубами. Он терпеть не мог эти игры в доброту.

– Бедная моя запутавшаяся девочка, – сказал он самым заботливым голосом, какой только мог изобразить. – Это ведь не мы забираем твое дитя. Это ведьма его забирает. А мы лишь повинемся ее приказу.

Мать издала утробное рычание. В этот миг она походила на разъяренную медведицу.

Герланд положил руку на плечо растерянному мужу и сочувственно пожал его.

– Что ж, малый, боюсь, ты прав: жена твоя и впрямь обезумела, – произнес он, стараясь скрыть овладевшую

им злость под маской озабоченности. — Такое редко, но все же случается. Мы должны проявить сострадание. Не вини бедную женщину; ей нужна помощь.

— ЛЖЕЦ! — выплюнула женщина. Ребенок заплакал; женщина залезла по стропилам еще выше, прижалась спиной к скату крыши, устроилась так, что ее было не достать, и дала ребенку грудь. Ребенок тотчас успокоился.

— Если вы заберете мою дочь, — сказала женщина низким страшным голосом, — я ее все равно найду. Найду и заберу обратно. Только попробуйте — увидите.

— Неужели ты собираешься биться с ведьмой? — рассмеялся Герланд. — В одиночку? Ах, бедная заблудшая душа.

Голос его истекал медом, однако лицо понемногу наливалось огнем.

— Горе совсем лишило тебя разума. Твой бедный рассудок не выдержал потрясения. Но ничего. Мы исцелим тебя, мы сделаем все возможное. Стража!

Он щелкнул пальцами, и в комнату ворвались вооруженные стражницы, особый отряд, посланный, как всегда, Звездными сестрами. За спиной у каждой стражницы висел лук и колчан, на поясе покоился короткий острый меч. По спине сбегала длинная коса, знак того, что ее владелица долгие годы провела на вершине Башни, предаваясь созерцанию и упражняясь в боевых искусствах. Лица стражниц были неподвижны, как камень, и старейшины, при всей их власти, отступили назад.

Сестры были силой, и сила эта пугала. Шутить с ними не осмеливался никто.

— Заберите у этой безумицы дитя, а самую несчастную отведите в Башню, — приказал Герланд. Он вперил взгляд в женщину под крышей; та разом побледнела. — Звездные сестры умеют обращаться с душевнобольными, моя милая. Я уверен, это почти не больно.

Стражницы сработали чисто, быстро и без лишних сантиментов. У матери не было ни единого шанса. Через несколько мгновений она была скручена, связана и уведена прочь. Ее крики эхом отдавались на улицах при тихшего города, а потом разом замолкли, когда за ней захлопнулись высокие деревянные двери Башни.

Ребенок — это была девочка, — в тот же миг переданный главе Совета старейшин, коротко всхлипнул, а потом внимательно уставился на маячившее над ним обвисшее лицо, сплошь в складках и морщинах. Девочка смотрела очень серьезно — спокойно, испытующе, в упор, — и Герланд никак не мог отвести от нее взгляд. У нее были черные волосы и черные глаза. Гладкая кожа ребенка светилась как янтарь. На лбу, точно посередине, у девочки была родинка, формой напоминавшая полумесяц. Такая же родинка была и у ее матери. Поговаривали, что люди с такой отметиной не простые. Герланд не одобрял рассказы такого рода и уж точно не любил, когда жители Протектората вбивали себе в голову, что они лучше, чем есть на самом деле. Он еще сильнее на-

хмурился, наклонился к ребенку и сурово на него взглянул. Девочка показала ему язык.

«Отвратительный ребенок», — подумал Герланд.

— Господа, — сказал он со всей доступной ему торжественностью, — час настал.

И в этот самый миг ребенок, как нарочно, обмочил Герланда, оставив на самом видном месте его плаща большое мокрое пятно. Старейшина сделал вид, что ничего не заметил, но в душе кипел.

Девчонка сделала это нарочно. Да-да, нарочно! Он не сомневался. Мерзкое дитя!

Печальная процессия, как всегда, текла скорбно, сдержанно и невыносимо медленно. Герланд чувствовал, что терпение вот-вот его оставит. Однако, когда ворота Протектората закрылись за спинами идущих, а горожане вместе с притихшими выводами детей разошлись по своим ветхим домишкам, старейшины ускорили шаг.

— Почему мы бежим, дядя? — спросил Антейн.

— Помолчи, — шикнул Герланд. — Не отставай!

В лесу вне Дороги страшно было всем. Даже старейшинам. Даже Герланду. Конечно, у самых стен Протектората было более-менее безопасно... в теории. Но любой мог поведать историю о том, как один его знакомец как-то раз ушел слишком далеко и не вернулся. Потому что земля провалилась у него под ногами. Или он угодил в кипящий грязевой котел и разом лишился почти всей кожи. Или забрел в низину с дурным воздухом и не смог выбраться. Уж чего-чего, а опасностей в лесу хватало.

Петляющая тропинка привела старейшин к небольшой поляне в окружении пяти старых-престарых деревьев, прозванных Ведьмиными служанками. Пяти... или шести? «Кажется, их все-таки было пять», — подумал Герланд, вперил взгляд в деревья, пересчитал еще раз и покачал головой. Деревьев было шесть. А, ладно. В лесу и не такое привидится. Эти деревья стары как мир — что с ними делается?

Поляна между деревьев поросла мягким мхом. Стараясь не смотреть на девочку, старейшины положили ее на мох. Потом повернулись к ней спиной и бросились прочь, но тут подал голос самый юный из них.

— Мы что же, вот так ее и оставим? — спросил Антейн. — Это и есть жертва?

— Да, племянник, — сказал Герланд. — Именно так.

Невероятная усталость вдруг легла ему на плечи, словно ярмо, возлагаемое на вола. Он пошатнулся.

Антейн пощипывал шею — дурная привычка, с которой он все никак не мог совладать.

— А разве не надо подождать, пока явится ведьма?

Старейшины остановились. Повисло неловкое молчание.

— Повтори-ка, — велел старейшина Распин, самый старый из всех.

— Ну, понимаете... — Голос Антейна становился все тише. — Ведь надо же дождаться. А вдруг дикие звери придут раньше и утащат ребенка? Что тогда будет?

Старейшины сжали губы и как по команде повернулись к своему предводителю.

– Видишь ли, племянник, – сказал тот, поскорей уводя Антейна, – по счастью, ничего подобного до сих пор не случалось.

– Но... – И Антейн ущипнул себя за шею так сильно, что осталось красное пятно.

– Никаких «но», – отрезал Герланд и твердой рукой подтолкнул мальчика в спину, на исхоженную тропку.

Старейшины потянулись за ними и один за другим оставили поляну с покинутым ребенком.

Все они – все, кроме Антейна, – знали, что не стоит беспокоиться, как бы ребенок не достался зверям. Потому что именно зверям он и достанется.

Они оставили девочку на поляне и ушли, зная, что никакой ведьмы не существует. И никогда не существовало. Был только полный опасностей лес, и единственная Дорога, и жизнь в роскоши, которую вели старейшины и которой так легко было лишиться. Ведьма – точнее, вера в ее существование, – была пугалом для забитых, вечно покорных, порой недовольных горожан, взгляд которых был неизменно затуманен дымкой печали, а чувства и разум притуплены горем. Такие люди не осмеливались оспаривать безраздельную власть старейшин. И это было чрезвычайно удобно. Приходилось, правда, исполнять кое-какие неприятные обязанности, но тут уж ничего не поделаешь.

Спеша назад, они слышали, как ребенок плакал, но

вскоре плач остался позади и на смену ему пришли вздохи болота, птичьи песни и поскрипывание деревьев в лесу. Старейшины знали твердо: девочка не доживет до следующего утра. Больше они о ней никогда не услышат, не увидят ее и не вспомнят о ней.

Они думали, что она никогда не вернется в их жизнь.

И разумеется, ошибались.